

придворно-аристократического салонного отношения к искусству, как к изящной игрушке, украшающей жизнь. Но это не помешало ему стать одним из насадителей классицизма на русской почве, а затем и явиться одним из предшественников русского просветительства, уже выходящего за пределы классицизма. Он двигался от школьных пиитик XVII века через Буало к Лессингу, и элементы столь разных систем никак не могли мирно ужиться в его деятельности. Он сделал очень много для укрепления новой русской литературной культуры, дал ей целую энциклопедию знаний, ввел в нее множество идей, воплотил в своем труде почти два столетия европейской филологической культуры и передал плоды этой культуры России, но противоречивость, неорганизованность его позиции понизили ценность его трудов в глазах современников и потомков.

Ломоносов тоже сложен; он объединил традиции Возрождения с классицизмом; но это объединение было органично и целостно. Ломоносов сохранил те элементы мысли Возрождения, которые в общеевропейском движении истории подготовили классицизм, и, с другой стороны, к концепции классицизма подошел свободно и творчески, не приняв, например, отказа западных классиков от мечты, фантазии, их отрицания ценности «страстей», их рационально-плоскостной семантики («естественное» словоупотребление). Ломоносов создал свою систему, сливавшую те принципы Возрождения и классицизма, которые были для него актуальны. Что же касается идей раннего сентиментализма, то он остался им чужд.

Наконец, Сумароков сформировался уже вне воздействий и традиций Возрождения. Он выступил как пропагандист «ортодоксального» классицизма, правда, уже не классицизма «великого века» Расина, а классицизма XVIII века — Вольтера и Готшеда, классицизма просветительского. Этим он отделен от Третьяковского и Ломоносова. Но общая судьба русского классицизма, строившегося уже в окружении подъема новых течений литературы, сказалась и в судьбе Сумарокова. Уже в 1760-е годы, а отчасти и раньше он начинает уступать натиску зарождающегося сентиментализма и предромантических идей, а к концу своей творческой деятельности уступает этому движению одну позицию за другой.

Классицизм оказался лишь кратковременной и нецелостной задачей русской литературы и литературной мысли. Он переплетался в условиях русской культуры с системами, исторически предшествующими и последующими ему. Тем не менее именно проблема классицизма, разрешаемая в специфических условиях быстрого роста и стремительного прогрессивного движения русской культуры, стоит в центре литературно-критической мысли в России 1730—1750-х годов.